

Николай Кожевников
Георгий Глушко

Мемуары Остарбайтера

Воспоминания Глушко о детстве, юности, угоне
в Польшу остербайтером, освобождении
и службе в Красной Армии, строительстве ГЭС

Николай Кожевников
Георгий Глушко
Мемуары Остарбайтера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24716068

ISBN 9785448542503

Аннотация

Г. В. Глушко. родился в 1926 г. в украинской селе. 14 лет стал сиротой и воспитывался колхозом. В 1941 г. село оккупировано Германией, в 1942 г. был угнан на принудительные работы в польский лагерь для военнопленных, работал остарбайтером, заболел и был продан польскому бауеру. В начале 1945 освобожден Советской армией и прзван. Участвовал в штурме г. Познани и Берлина. По демобилизации с 1950 г. работал на строительстве многих ГЭС. Почетный энергетик СССР.

Содержание

Введение	6
К читателю	8
Моя малая родина и родители	10
Мое рождение	10
О родителях	11
Голодомор	23
Возлюби ближнего	28
Отрочество	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мемуары Остарбайтера

Николай Кожевников
Георгий Глушко

«Жизнь моя – иль ты приснилась мне...»

Есенин

Редактор Николай Николаевич Кожевников

© Николай Кожевников, 2017

© Георгий Глушко, 2017

ISBN 978-5-4485-4250-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глушко Георгий Васильевич

Введение

Сел за стол с пером и бумагой и не знаю, что писать и с чего начинать. И это уже не первый раз, потому что поздно получил эту книгу. Дело в том, что мне внучка Таня прислала ко дню Пасхи 2010 г. книжку, которая меня согрела так, что перевернула в моей памяти всю мою прошедшую жизнь детства и юности.

Книжечка эта о моём селе, в котором я родился и рос до 16 лет и называется:

СОКЫРЫНЦИ – КОБЗАРЬСКИЙ КРАЙ.

Выпущена она на украинском языке и посвящена 900 – летию моего села – Сокрынцы. Внучка моя Танечка там родилась и проживала с бабушкой, моей сестрой Варей и её родителями, моим племянником Василием и мамой Еленой, братиком Дениской моим внуком. Таня закончила Сокрынский лицей, а Дениска учился в средней Сокрынской школе, фамилия их Жидко. Эта книжица всколыхнула мою душу на воспоминания о моём детстве, ребятах, с которыми я дружил, ходил в школу, играл в разные игры, особенно в футбол. Память возвращает меня к грусти нежной и печальной, так как многие мои друзья ушли в мир иной по разным причинам. Царствие им небесное и вечная память, а кто живой, то дай им Бог здоровья и благополучия. Мне мама мало рас-

сказывала про свою жизнь и про наше село, но говорила, что наше село Сокрынцы, находится на Украине в Сребнянском районе, Черниговской обл. Село очень старое и люди, которые создали это село, назывались Казаки, они служили у царя Петра первого. За хорошую службу он присваивал им звания и титулы, наделял землей. Одним из таких служивых был Галаган и ему царь Пётр выделил землю, на которой выросло село Сокрынцы.

Галаганы были помещики-дворяне. По рассказам старожил, говорила мама, что род Галаганов был добрый к своим крепостным крестьянам, не обижали их, давал им работу и построил великий дом-дворец, которому больше 200 лет. После смерти последнего из рода Галаганов казацкий род Забилы-Квиты, с которыми моя мама дружила, сберегали дворец и усадьбу от разграбления. Это всё, что я узнал о своём селе, да ещё то, что название оно получило от основателя его – Ивана Сокры в начале второго тысячелетия, который организовал здесь поселение казаков.

К читателю

В своих воспоминаниях я хочу отразить судьбу моей жизни, которая ярко отпечаталась в моей памяти.

Я думаю, что жизнь моя подобна миллионам жизней людей бывшего Советского Союза, дедов и бабушек, отцов и матерей, братьев и сестёр в нескольких поколениях всего своего рода. К моему большому сожалению, поздно пришла мне в голову мысль написать эти воспоминания, уже тогда, когда мне исполнилось 85 лет. Память уже немного притупилась, но разум не лишил её полностью, а душа помнит всё, ничего не забывает и чистотою возвышается над моими воспоминаниями. Когда я лежу с закрытыми глазами, то душа, как на экране телевизора, показывает те далекие события моей жизни, которые я стараюсь не забыть и отразить их на бумаге.

С детства, с Украины, с места моего рождения в казацком селе Сокрынцях Серебнянского района Черниговской области. Я рассказываю о своей детской, без отцовской жизни с болью. Предлагаю читателю очерк моих личных воспоминаний. Я почти не пользовался архивными историческими данными и периодической литературной печатью, а описываю наиболее яркие эпизоды своей жизни, которые встают перед глазами в картинах видимого и пережитого лично самим собой событиях.

Описываю, начиная с мамы, а после её смерти, уже свою сиротскую жизнь. Не прошло мимо меня и лихолетье войны, немецкая оккупация, с последующим угоном вместе с другими подростками нашего села, юношей и девочек в фашистскую Германию. Работа на немцев в адских условиях с физическим угнетением. Освобождение нас Красной Армией из фашистского плена. Призыв меня в Красную Армию и дальнейшее участие в освободительной войне против немецких войск. **Крах Вермахта** и прорыв сильно укрепленного оборонительного рубежа **Берлина – Зееловских высот**. Последний удар. **Падение и капитуляция Берлина 2 мая 1945 года. Капитуляция Германии 9 мая 1945 года.** Мирное время. Служба в рядах Красной Армии на территории Германии с мая 1945 года по декабрь 1950 года. Годы мирных лет. С уважением к читателю. Каунас 2011

Моя малая родина и родители

Мое рождение

В Мире ничего из ничего не образуется и до сих пор не появилось, в том числе и дети. Для этого необходимо двое любящих людей разного пола, чтобы появился от них ребёнок. Такими оказались мои родители:

ОТЕЦ – Глушко Василий Демьянович,

МАТЬ – Глушко Анна Михайловна.

От их любви я и появился на свет 3 мая 1926 года в селе Сокрынцы.

О родителях

Мама

Моя мама была из дворянского рода из города Прилуки, но она скрывала это от Советской власти, от меня и от селян. Мама мне о себе ничего не говорила, а если что и говорила, то очень мало и скупо. Во-первых, я был ещё мал, чтобы знать, кто есть кто. Во-вторых, ей было больно затрагивать эту тему, потому что жизнь у неё была тяжёлой, да и некогда было ей поговорить со мной.

Моя мама Глушко Анна Михайловна

Она была всё время в работе от утра до ночи. У неё беспрерывно цокотала швейная машинка «Зингер» и она обшивала почти всё село Сокрынцы. Да и из других сёл ей привозили заказы: из Калюженец, родственники и другие крестьяне. Она была хорошая и опытная модистка и шила добросовестно, качественно и дёшево. Денег за работу мама почти не брала с крестьян, а только с интеллигенции, а так, кто что принесёт из продуктов, тем и рассчитывались. На этом мы и жили, так как своей не было ни хаты, ни огорода. Мама снимала постоянно хатыну у бабушки Серых – бывшей дворянке, прямо в центре села. Рядом в 100—150 метрах находилась усадьба тёти Елизоветы Забила, а за ней бабушки Соловьихи Евдокии. Про них пойдёт речь позже.

В первую очередь мама обшивала большое семейство и родню тёти Забилы-Квиты, так как мама с ними дружила. Потом односельчанам.

Село наше было большое, по переписи 1926 г. в нём было 1083 подворья, где проживало 4801 человек. Это было удобное село, стоящее около центральной дороги, соединяющей две области, Черниговскую и Сумскую, через города Прилуки и Ромны. Помню, ещё до войны с немцами, у нас в селе было две начальные школы до 5-го класса и одна семилетка, которую я закончил в 1941 году перед войной, и Сельскохозяйственный техникум республиканского значения, куда я

поступил сразу после окончания семилетки.

Была своя МТС (машинотракторная станция), обеспечивающая работу колхозов. А колхозов в селе было три: имени Дмитрова, Т. Шевченко и Чапаева и два хутора: Щорса и Лозовое, дворов по 20—30. В Лозовом было две бригады, в одной из которых я пас летом колхозное стадо коров.

В селе было много молодых семей, жёны по разным причинам не работали в колхозах, а желание имели чему-то научиться, моя мама учила их кройке и шитью на дому.

У кого была во дворе пристройка, то по договору, хозяин приезжал и забирал нас и перевозил к себе. А у кого был большой дом и только муж и жена, и был ещё и малый ребёнок или дочь, способная к шитью, то хозяин разделял хату и выделял нам место для житья, а стол и швейная машинка стояла так, чтобы свободно было работать.

Мы жили одной семьёй и питались вместе. По воскресеньям не работали. Церкви уже были закрыты, и мама сама долго молилась перед образами, а потом доставала из сундука толстые книжки и долго читала, потом ещё помолится и положит их обратно в сундук, почему-то прятала. Меня мама научила молитвам «Отче наш», «Матерь Божия, Спаси нас» и «Господи помилуй». После обеда часто собирались все вместе, приходили соседи и пели хорошие церковные и мирские песни. Я, с соседскими детьми, слушал эти песни с раскрытыми ртами. У мамы был хороший голос.

Мама рассказывала, как она была в Киеве и училась в ка-

ком-то лицею «благородных девиц», которая в то время была только в Петербурге и в Киеве. Там были и курсы разные, в том числе кройки и шитья, которые она успешно закончила и получила диплом модистки широкого профиля. Она его доставала из сундука и показывала нам. Он был вишнёвого цвета, красивый с втиснутым двуглавым орлом, я сам держал его в руках.

Одну песню я запомнил на всю жизнь: «Ой у лузи та шей пры дорози, червона калина». Я её и сейчас пою со слезами на глазах, один про себя, так как будто она и написана про меня.

Это были в основном казацкие семьи, которые хорошо работали и хорошо жили до 1929—1931 года, до раскулачивания, хотя в селе кулаков не было, а были крепкие хозяева, которые умно руководили своим хозяйством и других крестьян не обижали.

Отец

Могу сказать, что я про батю мало что знал, да и сейчас тоже мало. Знаю то, что он мой отец, это подтверждено в Серебрянском районном ЗАГСе и в свидетельстве о моём рождении записано:

ОТЕЦ – Глушко Василий Демьянович;

МАТЬ – Глушко Анна Михайловна;

Как познакомились они с мамой, где и когда и сколько прожили они вместе, мне мама об этом не говорила, да я

и сам её об этом не расспрашивал. Помню, что батя к нам приходил, особенно когда мы жили в центре села у бабы Серых, брал меня на руки, угощал конфетами и пряниками, и подолгу с мамой разговаривал, и иногда мама плакала. А однажды, он пришёл и принёс мне новые красивые сапожки, он их сам пошил, т.к. был сапожником. Я в них долго щеголял. Когда батя уходил, то я его не отпускал и плакал, и спрашивал у мамы: «Чего батька с нами не живёт?». Мама говорила, что у него есть другая молодая жена, а я уже старая и у тебя есть братик и сестрички в Калюженцах. Я маме говорил, что ты у меня самая красивая и не старая, а вот баба Серых, та старая.

Мой папа Глушко Василий Демьянович

Действительно мама была красивая женщина с длинной косой ниже пояса и с красивыми голубыми и ясными глазами. Я маме говорил, чтобы она познакомила меня с братиком и сестричкой, и мы будем вместе играть. Мама отказывала мне в этом, а я, не зная почему, закатывал ей истерику и получал от неё за это по полной программе. Но о том,

что есть у меня где-то в Колюжинцах братик и сетричка, я запомнил. По уличному у них было прозвище «Синицы».

А в Калюжинцах у нас были родственники. Там жила старшая мамина сестра Варя, по фамилии Савченко, их прозывали по уличному «Лисицы». У тёти Вари был сын Сергей и жена Мария, и было у них трое детей: дочь Катя – 1924 г.р., сын Павел 1926 г. р. и дочь Галя 1928 г. р. Галя была самая бойкая и шустрая среди них.

Мы приходили с мамой к ним в гости. Тогда ещё не было никакого общественного транспорта и из села в село ходили пешком, а тут расстояние через Галагани в парк было 3 км. После обеда взрослые занимались разговором, а мы в саду играли. И однажды мне пришло в голову то, что до сих пор себе не прощаю. Я спросил у Павлика: «Ты Мыколу «Сыниченого» знаешь?». Он ответил, что знает. Я говорю ему: «Познакомь меня с ним». Павлик говорит: «Пошли, тут недалеко, на горе». За нами увязалась Галя. Было лето, жарко. Мы пришли, хата кирпичная из белого кирпича. Вокруг чисто. Во дворе за забором играл хлопец, худенький, росту как Павлик, оба ниже меня. Он вышел к нам, и Павлик говорит ему: «Мыколо, познакомься, це твой брат, Юрко». Микола на меня посмотрел и говорит: «Який вин мени брат, це «Байстриук».

Я это слово первый раз услышал, но понял, что оно плохое, не хорошее и как дал Мыколи в нос. Он, упав, закричал. Выскочила мать Мыколына, да и он уже встал и кинулся

в драку. Мать нас увидела и закричала: «Сына убивают «Лисыщи». Из хаты выскочил батя с ремнём, протянул по моей спине, потом по мыколенной и хотел меня поймать, но не тут-то было, мы драпанули. Галя впереди, мы за ней, благо, что с горки. В сад убежали, упали на траву и еле перевели дух. И всё бы было нормально и никто бы из наших не узнал, но Галка же – звоночек. Маме на ушко назвонила. Нас позвали в хату, а мать долго не слушала, мне по затылку, да ещё и на колени меня поставила.

Сергей схватился, кричит: «Сейчас я пиду этому „Сынищи“ пирья пообщепая». Он с батьком примерно одного года, но его не пустили. Он хотел пойти и узнать, кто научил сына таким словам нехорошим.

Когда все успокоились, то мы с мамой пошли домой. По дороге нас «Бабаки» звали в гости, они тоже наши родственники по маме, но мы не зашли, а пошли через «Бабакову» гору домой. Дорогою мама шла и плакала, а я её всё время спрашивал, что это за слово «Байстриук»? Она долго не отвечала, потом сказала, что вырастишь, узнаешь сам, но оно тебя не касается. Есть злые люди и они разжигают между нами с батькой ссору. Знают, что батько тебя любит и к нам ходит, но теперь я его больше в хату не впущу. Такое у нас было первое знакомство с братом Мыколою Глушко.

Прошло лето, и у нас как-то так получилось, что мы с братьком ни разу нигде не встречались. Да ещё потому, что мы переехали в другой куток села до бабы Домахи учить

её дочь Дусю пошивочному мастерству. Батя нашёл нас там и пришёл с гостинцами, и с извинением. Но я к нему не подошёл, а выскочил из хатыны, как зверёныш. О чём они говорили, я не слышал, но мама всё время плакала, но видно, конечно, что они помирились, и мама его провожала.

Каждый год осенью в нашем селе бывала ярмарка и крестьяне везли со всех прилегающих сёл всё, что имели, кто продать, кто купить, а кто поменять.

Был хороший осенний день, пошли и мы всей семьёй, я с мамой и баба Домаха с Дусей, и между народом затерялись.

Многие, кто что продавал, знали мою маму и давали ей всё, кто-что мог из разных продуктов. Столько, что некуда было принимать, мама тогда стала заносить подарки к своим друзьям Горбенькив, которые жили около базара и там их оставляла.

Когда мы в очередной раз от них вышли, то о Боже! Навстречу нам идёт батько со всей его семьёй. Но что было для меня удивительно, то это то, что батя подошёл ко мне, взял меня поднял, поцеловал и поздоровался с мамой, а мама с тётей Настей трижды расцеловались, и мама поцеловала Варю на руках у Насти, и Колю.

Батько подвёл ко мне Колю и сказал: «А теперь миритесь и знакомьтесь». Мы нехотя подали друг другу руки. Батя дал нам по рублю и сказал, идите, купите себе конфет, а сами сели на лавочке втроём и долго разговаривали. Мы обходили весь базар, накупили разных конфет и вернулись, угостили

их конфетами. Я первый раз увидел Варю, такую беленькую красивенькую детиночку в цветчатой косыночке на головке. Дал ей большую длинную, в разукрашенной бумаге, конфету. Дитё засмеялось.

Потом подъехал к нам дядько Горбач. Они сели на воз и поехали в Калюженцы.

Мама и Дуся

Мы с мамой сели на скамейку и мама, что-то рассказывала, потом вышла тётя Горбенко и позвала нас в дом. Зашли,

стол уже был накрыт на обед. Пообедали все вместе. Побыли какое-то время у них. Потом мы собрались, и их дети помогли нам донести домой всякие гостинцы. Это была уже осень 1932 года. Мы жили тогда на Лисовий у бабы Домахи. Мама обучала её дочь Дусю, шуструю и красивую девушку, шитью.

На фото: мама (слева) и тётя Дуся Горбенко.

Голодомор

Наступила холодная зима 1932—1933 года, а с нею не заставил ждать себя и голод. И кто бы мог подумать, что в таком зажиточном, благополучном селе Сокрынцы могло произойти страшное – **голодомор**. Но, к сожалению, это было так. Образован он искусственно и насильно, беспределом районных и местных органов власти, слепо выполняющих указания вышестоящих органов власти и Постановления ЦК партии большевиков, Правительства СССР и Украины о принудительной коллективизации и уничтожении кулаков в 1929 году.

Активисты района и свои крестьяне из бедного слоя населения, сразу вступили в колхозы, так как им терять было нечего, а при вступлении в колхоз нужно было отдать всё, что имеешь: скот, лошадь, с/х инвентарь.

Зажиточные крестьяне не спешили отдавать своё нажитое «горбом», их тогда обложили непосильными налогами. Кто его не выполнял, отбирали у них часть урожая 1931 года, и поэтому у единоличников часть полей весной 1932 года осталось не засеянной, а в колхозах оказался низкий урожай, так как были плохо обработаны поля.

Поэтому население в зиму и весну 1932—33 гг. осталось не обеспеченным продовольственным, посевным и фуражным зерном. Это было не только в Сокрынцах, но и по всей

Украине.

В Сокрынцах, так называемых «кулаков», не было. Крепких селян приравнивали к кулакам, милиция врывается в хату, арестовывали хозяина и отбирали у них всё: лошадь, скотину, птицу, зерно, корма, инвентарь. Оставляли голые стены, селян выгоняли силой из дома, а мужа увозили в район и там судили под лозунгом: «Уничтожим кулака, как класс».

В 1929 году к кулакам были приравнены и безвинно осужденные, крепкие хозяева: Бережный Т. И., Бакуменко, А. Д. Беленко И. И.-1881 года рождения, Беленко И. И.-1906 года рождения, Бойченко И. А., Вовченко И. П., Гоман Г. Е., Еременко С. Д., Квито С. Т., Кислый М. И. Лисовый И. Г. Лисовый А. М., Назаренко А. М. и другие. Не стало тех людей, которые кормили свои семьи и половину сельской бедноты.

Помню, однажды мама пришла в слезах, и рассказывает бабе Домахи, случаи, которые видела она, идя домой, о которых я написал выше. Пишу, и страшно становится вспоминать и писать сейчас.

Шла зима, люди умирали с голода и холода. Умирали по одному и семьями. Не было кому хоронить и в чём хоронить. Не знаю, какими усилиями мы с мамой перезимовали.

Я так исхудал, что еле передвигался, а на маму было страшно смотреть. Куда делась её женская краса, у неё была длинная черная коса, которая к весне стала белой, а голубые

глаза залезли в ямы глазниц и стали серые. Мама без конца молилась. и Боженька помогал. Баба Домна была не старая и крепкая женщина. Она нам помогала, хотя мама уже не шила, так как уже было никому ничего не нужно, кроме куска хлеба.

Однажды я занемог с голоду и слёг, помню, всё было безразлично и неинтересно. Вижу, солнышко светит, скворцы поют и соловьи в саду заливаются, а мне есть хочется, а нечего. Баба Домаха заглянула к нам в хатыну. Мама сидела около меня. Она говорит маме: «Возьми Юрка и пройдишь по кутку, может кто, что-нибудь даст». Мама каже: «Никуда я не пиду, да вин уже и ходить не может. Умре Юрко, умру и я, мне не для кого жить». Я уже тогда начинал понимать, что в Сокрынцах у нас никого из родственников нет, и кроме меня у мамы никого нет. Вижу, мама стала на колени и со слезами начала молиться Всевышнему Богу. Баба Домаха видит такое дело (она нам помогала, пока было чем) вышла и забила тревогу. Сразу послала свою дочь к Елизавете Федоровне Забиле сказать, что Юрко и его мать Анюта умирают с голоду. Дочь быстренько побежала. Я сразу уснул и проснулся, когда тётя Лиза трепала меня по щекам. Пришла она и ещё две женщины с ней, сейчас не помню кто, кто-то из Квитив. Быстренько вскипятили молоко и напоили меня и маму. Меня заставили выпить 1 или 2 куриных сырых яиц. Молоко было с мёдом вкусное. А маму ругали за то, что она к ним не обратилась, как-нибудь помогли бы.

На другой день приехали на возу, (забыл, кто из мужчин) перенёс меня на возок или бричку, забрала мама все наши вещи и швейную машину «Зингер» и перевезли опять в хатыну бабы Серой.

Тётя Забила организовала дежурство из своей родни и наших близких знакомых с их кормёжкой. Так они нас выхостили.

Весна входила в свои права и пошли в лес, и на поле росли трава и съедобные цветы: пшёнка, яглыця, крапива, в огородах лебеда, на лугах щавель, березовый сок на бересту (так называемая берестовая каша), а главное это белая и жёлтая акация. Люди переходили на подножный корм и оживали. Начали обрабатывать огороды, кто остался жив. А умерло много, 1/3 села. Я многих не досчитался из своих сверстников, с которыми гулял, рождения 1925—26—27 годов.

Я сдружился с Обеиваемы хлопцами, которые жили на этом берегу Обеиваега ставка. Они – два брата, один старше меня, другой – мой ровесник. Они уже рыбачили во всю, а отец и их дядько были рыбаки. Они научили меня ловить карасей. Они их в одном месте прикармливали и, там улов был больше. А когда ничего не поймаю, то они давали несколько рыбёшек из своего улова. Я их надену на «кукан» и бегу домой. Меня спрашивали: «Юра, что поймал? Говорю: «Каласиков». За что и получил прозвище «Юрась – калась».

Так мы с мамой выжили благодаря добрым людям, осо-

бенно Забиле Елизавете Федоровне и другим: Квитам и бабе Домне Лесовой с её дочкой, кажется точно, Настей и другим селянам, которые любили мою маму. Велькое им спасибо!

Говорят, у голода любви нет. А я скажу: Есть! Только надо любить друг-друга, как сказано в Священном Писании.

Возлюби ближнего

Я знаю, мама любила людей и никогда никого не осуждала, всегда говорила: «Бог им судья». Но зато, она любила Бога Иисуса Христа, больше всего на свете и всегда молилась Ему с любовью и смирением, а иногда она молилась в слезах, и просила у Него спасения, а не у людей.

Бог Иисус Христос, Спаситель наш, услышал слёзную молитву мамину, и Он послал спасение нам через добрых людей, которых я описал.

Урожай в 1933 году выдался не плохой, кто мог, что посеять свое и колхозное, все выросло. Мы с хлопцами лазили на поля, рвали и мяли колосья, воровали горох. Драли гнезда в лесу, собирали грибы все подряд, а дома родители сортировали их и больше половины, а то и всё мама выкидывала. Пошли орехи на лещине, сейчас их называют «фундук», дали свой плод сады.

Селяне стали оживать и крепнуть физически, но морально были пусты. С души горе не выкинешь. И оно подавляло ту радость, у тех, кто остался жив, и живы остались их дети. Улыбки не увидишь ни у кого на лице.

Сейчас прошло почти 80 лет после той трагедии, которая произошла в 1933 году на Украине. Камнем отдаётся на сердце тот ужас, и горе людское которое происходило у меня на детских моих глазах. Плач и крик пострадавших

людей при похоронах, я вижу и слышу и сейчас, когда лежу с закрытыми глазами, и в памяти встают те голодные забываемые дни. Потом уже мы на кладбище с мамой не ходили, так как не было сил.

Чудно Бог создал человека, не только положил в голову мозги для жизнедеятельности, но нашёл в них местечко для памяти. А это великое дело в жизни помнить прошлое, какое бы оно не было, но почему-то больше вспоминается хорошее, чем плохое.

Не помню, кто из великих мыслителей сказал, что без прошлого нет будущего. И поэтому в воспоминаниях стараешься, в будущем, вычеркнуть плохое, а хорошее само остаётся.

Мама меня всегда учила, чтобы я никогда ни на кого не злился, а если меня и побили старшие ребята, значит, ты заработал и должен их простить. Что я и делал, каждого ловил по отдельности и «ласкал» их кулаками, и провожал копняком, и прощал.

Грех удаляет нас от Бога и лишает Его благоволения. Церкви порушили, где Он обитает и люди лишились Его Небесной милости, страдали без Божьего покровительства.

Отрочество

Прошёл год. Горе людское немного улеглось. Мама моя поправилась, и приобрела внешний приятный вид, я ею любовался. Люди стали приходиться делать заказы на шитьё. У мамы появилась работа и заработок. Наступила зима и мама начала усердно со мной заниматься и готовить меня к школе. Купила букварь и другие книги с картинками, хотя их у меня уже было полно, но это другие с подписями внизу и надо самому их разукрасить. К весне я уже выучил весь букварь и слагал слова, а по математике считать до ста, добавлять и отнимать числа.

Летом мама мне купила форму, обувь, ранец, книги и всё необходимое: тетради, пенал, карандаши и ручки с пером, помню №86. Я не мог дождаться, когда пойду в школу. Наступил тот долгожданный день – 1 сентября 1934 года, я шёл с мамой, со страхом, но радость преодолевала страх, побеждала.

Нас первоклашек, построили на плацу перед школой по росту. Впереди девочек, сзади мальчиков. Я оказался самый высокий среди учеников, которых было 25—30 детей. Выступали перед нами директор школы и учителя, что-то говорили и поздравляли нас. Школа располагалась на Пашкивцы, в жилом доме, перестроенном под классы. Было 4-е класса. Потом завели нас в класс. Маленьких учеников по-

садили на передние парты, а высоких на последние, по два ученика, мальчика и девочку. Сначала все стеснялись друг друга, а потом привыкли. Меня посадили с Галей Харченко, она была девочка рослая и красивая.

**А годы летят, наши годы
летят, как птицы.**

**И некогда нам,
Обернуться назад.**

А годы вначале летели действительно быстро. Учился я хорошо, мама проверяла мои домашние задания. и я нормально переходил из класса в класс. Торжественный был приём нас в пионеры. В летние каникулы мама определяла меня в пионерские лагеря, однажды в один сезон она определила меня на два срока подряд, после чего эту принудительку я больше не хотел терпеть.

Я любил свободу: лес, ставки, рыбалку. Я любил по долгу купаться, т.к я хорошо плавал. Панский ставок (пруд) был длинный, от Красного моста до насыпи и гребли, наверное, было около 1 км. Я с хлопцами Олыксием Фесенко и Лёней Колисниченко проплывали это расстояние без отдыха.

На берегу Панского ставка рос толстый и высокий явир, такое крепкое дерево, как дуб, ему было более 100 лет, под ним когда-то сидел Тарас Григорьевич Шевченко и писал стихи, в том числе и про явир – зелененький.

У этого явора росла, прямо над живописным прудом, толстая ветвь, а потом ствол поднимался вверх, образуя це-

лое дерево, создавая красивый вид над водой. Мы залазили на дерево и прыгали с него, пока я не ударился головой о корни, так как залез ещё на ствол явора и глубоко с него нырнул. Потом запретили всем с него прыгать, даже прибили дощечку с надписью.

Бывало летом, в период каникул, дядя Ваня Бугай приезжал к нам и забирал маму с машинкой, меня и увозил в хутор Лозовое, и мы у них жили вхатыне, и мама обшивала их, и других хуторян. Я с хлопцами сразу дрался, а потом подружились. Они такие там дикие – драчуны всегда, как приезжали в село на базар, всегда дрались с нашими ребятами. Мы не успели отдохнуть, как быстро подходил сентябрь (вересень) и опять в школу. Я быстро делал уроки и потом болтался, хотя мама заставляла читать книжки. Зимой я их ещё читал, а весной и летом они меня меньше интересовали, чем природа.

Вначале занятия в 5-ом классе, мы перешли в новую школу, которая была построена на выгоне при выезде в сторону села Калюженцы и Осынника. В школе работали несколько кружков самодеятельности. Чтобы я не болтался без дела, мама повела меня в школу и хотела определить в какой – нибудь кружок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.